
Т. И. АРТЁМОВА,
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник отдела экономической теории
ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”
(Киев)

ГЛОБАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО АНАЛИЗА

Отмечено, что переформатирование сил и центров глобального политико-экономического влияния связано с усилением позиций Китая в мировом хозяйственном пространстве. Показано, что при этом ценностная доктрина Китая остается традиционной. Подчеркнуто, что не растущая экономическая мощь сама по себе, а идейное превосходство Запада, в частности США как центра профессиональных экономических исследований, обуславливает глобальную гегемонию.

T. I. ARTOMOVA,
Doctor of Econ. Sci.,
Principal Researcher of the Department of Economic Theory,
Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine
(Kiev)

GLOBAL ECONOMIC LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF VALUE ANALYSIS

It is noted that reformatting the forces and centers of global political and economic influence is associated with the strengthening of China's position in the world economic space. It is shown that the value doctrine of China remains traditional. The author emphasizes that, not the growing economic power in itself, but the ideological advantages of the West, in particular the US as a center for professional economic research, determine the global hegemony.

Под влиянием политико-экономических инициатив нового президента США и его администрации в интеллектуальных кругах значительно активизировались дискуссии о трансформациях существующего мирового порядка. Украину интересуют в первую очередь изменения в международной торговой политике, и это вполне оправдано с точки зрения сохранения конкурентных преимуществ национальной экономики. Однако проблема наметившегося переформатирования сил и центров глобального политико-экономического влияния не менее (а, возможно, и более) важна в контексте формирования стратегий поступательного развития страны. Основная

© Артёмова Татьяна Ивановна (Artomova Tatiana Ivanovna), 2017; e-mail: vobulimans85@bigmir.net.

интрига связана с усилением позиций Китая в глобальном хозяйственном пространстве.

В обсуждаемом Докладе Дж. Фокс говорит о том, что Д. Трамп объявил Транстихоокеанское партнерство (ТТП) мертвым. Вместо этого он обещает заключить честные двусторонние торговые соглашения, которые вновь вернут рабочие места и промышленность на американскую землю, а также ослабят конкурентные позиции Китая как одного из крупных глобальных игроков. Ссылаясь на мнение экономиста Р. Скотта, автор заявляет, что Китай, не являясь членом ТТП, уже имеет положительное торговое сальдо со странами партнерства, в то время как США – торговый дефицит с ними. Таким образом, закрепленные в ТТП правила открыли шире "заднюю дверь" рынка США для большего количества промышленных и высокотехнологичных товаров, произведенных в Китае. По мнению Дж. Фокса, попытки сторонников ТТП аргументировать сохранение партнерства тем, что оно делает жизнь американцев более безопасной (например, путем сдерживания влияния Китая в Юго-Восточной Азии), вызывают еще меньшее доверие. Помимо войны, у США не больше способов остановить Китай от доминирования в Южно-Китайском море, чем у Китая – остановить США на Карибах. Наша торговля с Китаем уже замедлилась из-за его торговли с соседями. В любом случае ТТП усилило экспансию экономической власти Китая: вследствие смягчения стандартов увеличилась доля экспорта произведенных в Китае товаров из стран ТТП в США, а вместе с нею пополняется и китайский долларовый запас, заключает автор.

Однако Пекин последовательно стремится к мировому лидерству в различных областях (от торговли до борьбы с изменениями климата), и протекционистская риторика Д. Трампа может дать ему основания перехватить знамя защиты глобализации, пишет журнал "Корреспондент" со ссылкой на британское издание "Reuters". При этом Китай в своих комментариях не раз отстранялся от намеков на перспективы перехватить традиционно американскую роль глобального лидера, несущего ответственность за судьбы мира. Но в последнее время официальные лица страны все чаще высказываются за возможность данных сценариев. Так, генеральный директор департамента международной экономики МИД Китая Чжан Цзюнь не исключает вероятность того, что Пекину все же придется выступить в этом амплуа – не потому, что Китай стремится в лидеры, а потому, что традиционные лидеры, похоже, сдадут свои позиции, уступая ему место [1].

Экономический потенциал, успехи, просчеты и перспективы развития Китайской Народной Республики достаточно известны и широко обсуждаются в общественных кругах различного уровня, в то время как ее ценностные установки как возможного глобального лидера не получили в научной литературе адекватного отражения. В силу этого необходимо в самых общих чертах прояснить ценностные основы современного китайского общества как глобального субъекта и активизировать в этом направлении научные исследовательские программы.

Здравомыслящий, образованный человек постсоветского пространства сформировал собственное мнение о потенциале и возможностях Китая как глобального актора. В соответствии с такими представлениями, “китайский проект” в ряде своих проявлений уникален. Особого внимания заслуживают не просто его долгосрочность, но и монолитность. При этом целостность выступает изначальной предпосылкой для реализации глобальной миссии Китая, тогда как во всех других “проектах” (европейском, исламском и пр.) она рассматривается как конечная цель.

Однако ответ на вопрос, чего хочет сам Китай, не столь очевиден, как в случае с американским, исламским или европейским “проектами”, ибо внятной идеологии построения китаецентричного мира официальный Пекин до сих пор не предложил. Традиционной стратегией Китая является “доминирование при дистанции” – выстраивание зависимого и заинтересованного мира младших партнеров, что очень перекликается с нынешней (хотя не настолько жесткой) отстраненностью “от всех других” стран “золотого миллиарда”. Китайское общество не видит смысла ни в истреблении чужого, ни в его переделывании, рассуждает автор [2]. Логика его взгляда на мир – это Стена, а не Стрела; отстранение от Хаоса, а не преодоление его. Хотя понимание того, что хаос вблизи собственных границ следует разумно упорядочивать и рассеивать, несомненно, является ее атрибутом.

В отношении прочего мира китайцы могут действовать идеальным, на их взгляд, образом: не делая его совершенным, но привнося в него гармонию и разумность. Они предпочитают “тихое формирование диаспор” и взятие под контроль финансовых систем громкому маршу военных, поднимающих флаги над чужими столицами. Подобный “варварский” стиль китайскому степенному миропониманию органически чужд.

Все это присуще китайскому “взгляду на мир”. Для стороннего же наблюдателя китайское общественное устройство представляется совершенным механизмом, лояльность подданных к которому граничит с невозможной. “Но для чего и во имя чего это делается?” – задается вопросом автор. И сам себе отвечает: создается впечатление, что невероятная модернизация происходит как бы сама ради себя.

До сих пор Китай не имел религии, которая бы создавала прочие глобальные “проекты”, но сегодня он подспудно готовит себя к вселенской жертвенной миссии. Она не известна, но уже, подобно мощному генератору, заряжает одну из сильнейших национальных страстей в мире. Китай, по сути, не “проект”, он – “совершенный инструмент осуществления неведомого еще проекта”, заключает интеллектуал сетевого пространства [2].

В целом сегодня, даже с учетом неожиданных и решительных политико-экономических шагов нового президента США и его администрации, ситуация, связанная с распределением (перераспределением) ролей и функций глобального лидерства, остается весьма неопределенной. Так, в своей книге “О Китае” Г. Киссинджер предлагает Соединенным Штатам изящно уйти в тень, чтобы избежать конфликта с набирающим силу Пекином [3]. Профессор Принстонского университета, бывший советник вице-президен-

та США А. Фридберг, напротив, считает, что Вашингтон должен занять жесткую позицию перед лицом нарастающих амбиций и мощи Китая [4]. По мнению специалистов, эти два подхода наглядно отображают раскол мнений среди американской политологической элиты по поводу стратегии в отношении Поднебесной [5].

Все это лишь подтверждает справедливость того непреложного факта, что позиции нынешних глобальных лидеров действительно слабеют, они все меньше способны разумно упорядочивать не только глобальное экономическое пространство, но и систему собственных внутрихозяйственных отношений. В этих условиях “монолитная” размерность “китайского проекта”, подкрепленная очевидными экономическими достижениями, может оказаться весьма востребованной в мире. Как отмечают специалисты, “в условиях, когда катастрофически рушится чисто рыночная модель современного капиталистического мира, нельзя исключать возможности, что именно Китаю удастся соединить в своих институтах и массовой общественной практике экономическую эффективность с социальной справедливостью, благом нации и государства — с достоинством, свободой, полноценной жизнью человека” [6, с. 43]. Но действительно ли способен Китай взять ответственность за судьбы мира в эпоху глобальных рыночных трансформаций, обладает ли он адекватным ценностным наследием для осуществления назревших структурных преобразований мировой хозяйственной системы? На первый взгляд, многое в общественной жизни этой страны позволяет положительно ответить на указанные вопросы.

Так, сегодня Китай, официально оставаясь одной из немногих в мире народных республик (государств), на деле заботится о воспитании собственного народа. И поступательное социально-экономическое развитие китайского общества служит лучшим доказательством успешности реализации его стратегических планов и преимуществ идеологии, не разрушавшей прежние политические традиции, но укрепившейся посредством ассимиляции конфуцианских ценностей. Известен список моральных заповедей гражданина КНР “Восемь добродетелей и восемь пороков” *, в свое время предложенный Председателем КНР Ху Цзиньтао:

1. Love the country; do it no harm (*Люби Родину; не делай Ей вреда*).
2. Serve the people; never betray them (*Служи народу; никогда не предавай его*).
3. Follow science; discard ignorance (*Следуй за наукой; не будь невеждой*).
4. Be diligent; not indolent (*Будь прилежным; а не ленивым*).
5. Be united, help each other; make no gains at others' expense (*Будь отзывчивым, помогай каждому; не наживайся за счет других*).

* Восемь добродетелей и восемь пороков : материал из Википедии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C_%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9_%D0%B8_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C_%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B2.

6. Be honest and trustworthy; do not sacrifice ethics for profit (*Будь честным и порядочным; не поступайся принципами ради наживы*).

7. Be disciplined and law-abiding; not chaotic and lawless (*Будь дисциплинированным и законопослушным; нет — хаосу и беззаконию*).

8. Live plainly, work hard; do not wallow in luxuries and pleasures (*Живи просто, трудись усердно; не валяйся в роскоши и наслаждениях*).

Заслуживает внимания также тот факт, что в условиях неопределенности взглядов на причины, содержание, итоги Второй мировой войны, которые в настоящее время царят среди стран — ее непосредственных участниц (спорящих о том, кто развязал войну, кто в ней против кого участвовал, кто кого победил, и когда она завершилась), Китай готов предложить свою вполне определенную версию событий того времени. Так, 3 сентября 2014 г. КНР впервые отметила новый государственный праздник — День победы китайского народа в антияпонской войне; он был учрежден решением 12-й сессии Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей. Председатель КНР Си Цзиньпинь в связи с этим отметил, что великая победа китайского народа в войне с Японией была для китайской нации историческим поворотным пунктом в процессе движения от преодоления глубокого кризиса к великому возрождению. Газета “Жэньминь жибао” также писала, что глобальная гегемония Запада вместе с войной закончилась навсегда. А для народов Азии, Африки и Латинской Америки послевоенный период ознаменовал начало новой эры. Вот почему победа 1945 г. стоит того, чтобы ее праздновать [7, с. 102].

Сегодня китайское руководство способствует формированию общественного мнения по поводу того, что война Японии против Китая была одним из “особо важных” эпизодов Второй мировой войны. В связи с этим предлагается даже переименовать Вторую мировую войну в “Мировую антифашистскую войну”, что позволит соответствующим образом квалифицировать военные действия Японии.

Комментируя такие события, Е. Румянцев, в частности, пишет, что, если бы не война, КПК не оказалась бы правящей партией. В результате Второй мировой войны Китай, не одержав ни одной победы в крупной стратегической операции, освободил свою оккупированную японскими вооруженными силами территорию руками союзников, их же силами вернул земли, захваченные у него Японией после войны 1894–1895 гг., добился аннулирования неравноправных договоров с иностранными государствами, приобрел статус великой державы, стал одним из учредителей ООН и постоянным членом Совета Безопасности этой организации и т. д. Действительно, “эта победа достойна того, чтобы китайский народ праздновал ее вечно”, — заключает автор [7, с. 113].

Однако наиболее сильным аргументом в пользу возможностей определенного народа выступить с глобальной исторической миссией, по нашему мнению, служит непрерывно совершающаяся духовная работа его выдающихся мыслителей. В этом отношении Китаю есть на что опереться, ибо его ценностный багаж создавался в течение нескольких тысячелетий цивили-

зационного развития. На рубеже XIX–XX вв. недюжинные интеллектуальные усилия здесь были приложены для переосмысления и модернизации исторического культурного наследия, направленные на кристаллизацию ценностной доктрины китайского общества и обоснование универсального значения конфуцианского учения для судеб мира.

По мнению специалистов, модернизация системы традиционных китайских ценностей связана, в частности, с именем выдающегося переводчика и мыслителя Янь Фу (1854–1921), прояснившего для народного сознания понятие утопии как идеального общественного устройства в процессе перевода на китайский язык работы Т. Гексли "Эволюция и этика"*. Адаптируя положения европейского концепта утопии как формулы общественного (государственного) идеала к конфуцианскому учению и одновременно модернизируя их, Янь Фу возвещает, что главные чаяния человечества связаны с приходом в мир великого правителя-мудреца, который сможет обеспечить насущные жизненные потребности населения не только своей страны, но и всего социума. Деятельность такого мудреца мыслитель сравнивает с работой садовода, умело обрезающего плодовые деревья: подобно ему, мудрый правитель, как сорную траву, искореняет негативные проявления общества посредством добрых плодов законов и управления [8, с. 139].

Отталкиваясь от понятия утопии, предложенного в XVI в. Т. Мором, Янь Фу раскрывал его содержание как наилучшей (идеальной) государственной организации, формируемой "добрыми плодами" надлежащего управления и законов. Причиной, по которой такое государство оказывается утопией, мыслитель считал отсутствие истинного единства между людьми с древности до новейших времен. Именно в силу социальной разобщенности утопия не получает возможности реально осуществиться в форме определенного государственного устройства и вынуждена оставаться неким воображаемым мыслительным конструктом, недостижимым местом общественного бытия. Между тем следующие поколения вполне способны добиться ее осуществления, не полагаясь при этом исключительно на волю неба и природу, но направляя все силы на упорядочение человеческих отношений и установление совершенного разумного хозяйственного порядка [8, с. 139].

Хотя приведенная интерпретация утопии в большей мере созвучна китайскому общественному идеалу и, как считают, не тождественна общественному идеалу вообще, усилия Янь Фу, несомненно, заложили основы ценностной взаимосвязи, преемственности китайского и европейского опыта цивилизационного строительства. При этом среди множества форм общественного идеала, сформированных в недрах китайской цивилизации, наибольший интерес в контексте общечеловеческого развития, по мнению специалистов, представляют концепты "Великого Единения" (Да Тун) и "Колодезных полей" (Цзин Тянь). В течение двух тысячелетий они

* Помимо указанного, Янь Фу осуществил переводы на китайский язык трактатов А. Смита, Ш. Монтескье, Дж. Ст. Милля и других авторов.

оказывали влияние на китайских интеллектуалов, а на рубеже XIX–XX вв. стали предметом глубокого переосмысления со стороны другого великого реформатора Кан Ю-вэя (1858–1927).

Считается, что понятие “Великое Единение” впервые появилось в “Каноне исторических преданий” (“Шу цзин”), составление и редактирование которого традиционно приписывается Конфуцию. Теория “Колодезных полей” предложена мыслителем Мэн-цзы, жившим в 372–289 гг. до н. э. Исследуя концепт “Колодезных полей”, Л. Васильев, в частности, проясняет его суть следующим образом. Квадратное поле размером около 60 га (900 китайских “му”) разбивается на девять равных участков, наподобие иероглифа “колодец” (цзин #), давшего название всей системе (рис.). Восемь крайних полей, которые обрабатывались земледельцами для собственных нужд, Мэн-цзы называет личными, частными (сы). Срединное поле является общим, общественным (гун); оно обрабатывалось всеми восемью семьями сообща, а собранный с него продукт отдавался властям в качестве ренты – налога. Мэн-цзы подчеркивает при этом, что поле “гун” обрабатывалось восемью земледельцами в первую очередь, и к обработке собственных полей они могли приступать только после окончания общественных работ [9, с. 24].

частное	частное	частное
частное	Общественное поле	частное
частное	частное	частное

Система “Колодезных полей” как трансформа общественного единения (тождественности, совместимости)

Восемь крестьянских хозяйств, объединенных в пределах “колодца”, составляли самодостаточную низовую ячейку общества – “деревеньку” (сян). Ее жители формировали своеобразный социальный микрокосм, пронизанный отношениями добрососедства, взаимопомощи и взаимной защиты. Такая система, как считают, не была исключительно мыслительным конструктом, а отражала действительно существовавшие в архаическом Китае порядки. В то же время она представляет собой и сгусток наиболее общих представлений китайской цивилизации – проекцию универсаль-

ной космологической общественной модели в социально-хозяйственную сферу. При изложении концепции “Колодезных полей” Мэн-цзы использует понятия “единение”, “объединение”, “тождественность”, “совместимость”. Словом “гун” (общее, общественное) одновременно обозначается и центральное (срединное) поле, и трудовая общественная деятельность на нем, а термин “тун” означает и объединение общины (“сян”) в “колодец”, и трудовые усилия ее жителей при обработке общественного поля [8, с. 140–141].

Концепт “Колодезных полей” (см. рис.), отображая переплетение реально существующих и идеальных общественных отношений, по своей сути — некая общественная трансформа. Так, здесь общественное поле (гун) не является “общим” в смысле его непосредственной принадлежности жителям данной общины; напротив, центральное (срединное) положение обуславливается его особым качеством и подчеркивает его отличие (нетождественность) — выделенность из системы “частных” полей. Так же и сама Поднебесная в состоянии “гун” не принадлежит ее жителям. Таким образом, конструкция “Колодезной земли” (микрокосм) аналогична пространственной модели Поднебесной (макрокосму): подлинно общинная земля здесь — это периферия, которая в то же время есть совокупность частных участков; общественное поле “гун” находится внутри частных владений, окружено периферией, над которой господствует. Общность центрального поля подразумевала не только совместную его обработку, но и принадлежность этой земли правителю, который, соответственно, носил титул “гун” — первый ранг знатности, означавший также “официальный, правительственный, государев”. Следовательно, схема “Колодезной земли” дает наглядное представление о полюсах социальной иерархии в обществе, а в репрезентативном смысле является обобщением народа, отмечает Д. Мартынов [8, с. 141].

Что касается концепции “Великого Единения”, то текст главы “Записки о правилах благопристойностей” Канона, в котором она представлена, лапидарен; причем понятия “гун” и “тун” являются ключевыми для пояснения ее содержания. Смысловая формула концепции такова: когда действовало Великое Дао, Поднебесная была “гун”. Выбирали добродетельных, содействовали способным; учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому для людей родными были не только кровные родственники, детьми были не только свои дети; старцы имели пристанище, дабы окончить свои дни; сильные телом имели применение; дети имели возможность расти; сироты, вдовы, бобыли и калеки имели пропитание. Мужчины имели положенную долю, женщины — прибежище. Люди не любили бросать добро на землю, но и не таили его для себя; не любили не давать силам выхода, но и не работали только на себя. Вот почему злых помыслов не допускали, не грабили, не воровали, смуты не учиняли, вот почему, выходя наружу, двери домов не запирали. Это называется Великим Единением [8, с. 141].

Общий смысл приведенной формулы: “Поднебесная принадлежала всем”, — пишет Д. Мартынов. Но при этом для реального состояния общества

характерна раздвоенность (расщепленность) на идеальное и приемлемое. Фактически на момент написания соответствующего канона “Великое Дао уже скрылось, Поднебесная принадлежит семьям” [8, с. 141].

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. один из выдающихся представителей китайской интеллектуальной элиты, политик и общественный деятель Кан Ю-вэй предпринял попытку модернизации традиционных ценностных учений. Своей главной миссией мыслитель полагал открытие Великого Дао-пути и в работе “Книга о Всемирном Единении” пытался решить две задачи:

- осуществить интерпретацию положений конфуцианства как универсальной общественной доктрины;
- обозначить платформу для синтеза западных и китайских политических теорий [8, с. 142].

В качестве основы для новаторских интерпретаций Кан Ю-вэй избирает учение Мэн-цзы, которое, по его мнению, предвосхищает принципы грядущего совершенного социального устройства – эры великого Равновесия и Великого Единения, когда для всех людей семьей становится мир, эгоистические побуждения преодолеваются, а сердца избавляются от корыстолюбия. Практическая реализация схемы “Колодезных земель” ведет к справедливому распределению материальных благ среди всех жителей государства. Следовательно, власть, которая не может выносить чужих страданий и стремится к гуманному правлению, должна внедрять систему “Колодезных полей”, заключает мыслитель.

Характеризуя преимущества системы “Колодезных полей”, Кан Ю-вэй расширяет сферу ее применения. Помимо отношений землепользования концептуально осмысленные принципы равенства и справедливости могут быть успешно имплементированы в индустриальную и торговую сферы, ибо “Конфуций и Мэн-цзы желали, чтобы никто в мире не страдал от бедности” [8, с. 143]. Анализируя западные (в частности, английские) экономические теории, мыслитель не просто обнаруживает в них идейное сходство с системой “Колодезных полей”, но и говорит о развитии традиционных китайских концептов в трудах западных ученых.

Более того, по мнению Кан Ю-вэя, система реального социально-экономического обустройства современного ему западного общества также идейно подпитывается учениями Конфуция и Мэн-цзы, которые являются источниками подлинной демократии, истинного народовластия. Так, цитату из Конфуцианского “Четверокнижия” о том, что легендарные тираны древности Цзе и Чжоу потеряли империю, потому что утратили свой народ, Кан Ю-вэй интерпретирует следующим образом: “Народ стремится к состоятельности и чувствует отвращение к бедности. Поэтому ему следует открывать источники выгоды и давать возможность обогатиться” [8, с. 143].

Комментируя положения Мэн-цзы (которые удивительно созвучны с идеями А. Смита) о том, что народ можно сделать богатым, если следить за возделыванием его полей и устанавливать низкие налоги, Кан Ю-вэй развивает

и актуализирует их. Если народ наслаждается благосостоянием, то это приведет к человеколюбию, говорит он. Только после достижения материального благосостояния можно касаться нравственных принципов. Только при условии, что амбары полны, можно познавать ритуал. Только при условии, что пищи и одежды достаточно, можно указывать, что правильно [8, с. 143].

Кан Ю-вэй пытается также провести параллели между западными демократическими идеалами и теорией “основы жизни народа” Мэн-цзы. Он считает, что демократические идеи общественного обустройства сформированы именно Мэн-цзы. Интерпретируя положение Мэн-цзы о том, что народ составляет главный элемент государства, а государь — последний, наиболее легкий, Кан Ю-вэй замечает: система демократии, описанная Мэн-цзы, соответствует духу времени и мировым установлениям, ибо государство учреждается для всего народа [8, с. 144].

Однако при этом речь идет не о прямом волеизъявлении и участии народа в делах общественного правления, ибо нужды народа весьма разнообразны и многочисленны. Общественные дела должны разрешаться публично, особыми порученцами-чиновниками, избираемыми народными представителями. Отношения населения и чиновников Кан Ю-вэй сравнивает с отношениями владельца и приказчиков в торговой фирме (что, кстати, перекликается с новейшими концепциями государственного управления), между хозяином дома и гостями. Причем именно народ является здесь главой, хозяином, господином; чиновник же, соответственно, — работником, гостем, служителем [8, с. 144].

Кан Ю-вэй полагает, что основы теории Мэн-цзы осуществлены на современном ему Западе. Тот, к кому народ обращается, избирается демократически, как президенты США или Швейцарии, пишет он. Политика сегодня в таких странах, как Франция, США, Швейцария и др., приближается к существовавшей в эпоху Великого Единения, когда все, что под Небесами, принадлежало всем, и избирались самые достойные и способные. “И это все знал Мэн-цзы” [8, с. 144].

Таким образом, из трактатов Мэн-цзы Кан Ю-вэй кристаллизует идеи парламентской демократии, замечая при этом, что истинным создателем представлений о народовластии является Конфуций, а Мэн-цзы лишь развивает их. Согласно такому подходу, политическая концепция Мэн-цзы, отобразившая идеалы общественного устройства китайской древности, на рубеже XIX–XX вв. получает воплощение в ведущих державах Запада. Следовательно, между новоевропейскими политическими теориями и китайской традиционной философией устанавливается глубинное типологическое родство, в пределах которого конфуцианство может служить универсальной идейной платформой для справедливой организации общественной жизни.

Выводы

Таков итог реформаторской деятельности выдающихся китайских мыслителей, направленной на прояснение и модернизацию ценностной обще-

ственной доктрины. С учетом сказанного получается, что Китай сегодня вполне готов примерить на себя регалии глобального экономического лидера и способен предложить в этом качестве целиком оформившиеся положения некой универсальной политико-социологической доктрины общественного обустройства.

Между тем по своей природе самобытная ценностная доктрина Китая по-прежнему остается традиционной (а не пространственно-временной). Она имеет социологически-философский характер и сегодня нуждается в дальнейшей модернизации – в экономическом переосмыслении. Вне такого осмысления концепции “Великого Единения” и системы “Колодезных полей” (которые, несомненно, представляют собой выдающийся вклад в сокровищницу мировой общественной мысли) не перетекают в пространство экономического бытия, не укореняются в нем, а значит, и не набирают силы глубинного общественного преобразования. Прилагая к современности слова К. Маркса о том, что философия лишь различным образом объясняла мир, в то время как речь должна идти о его преобразовании, можно говорить: только экономическая наука способна катализировать позитивные глобальные общественные трансформации посредством восстановления подлинного смысла социально-экономического института.

В этой связи Китай, при всей глубине своих морально-этических учений, не может претендовать на место безусловного глобального лидера. Несмотря на его растущую год от года экономическую мощь, не она сама по себе, но идейное превосходство Запада, в частности США как центра профессиональных экономических исследований и методологического монополиста течения мейнстрим, обуславливает глобальную экономическую гегемонию. Доктрина неоклассического синтеза как методологическая платформа современной экономической науки постоянно подвергается критике за свою маргинальность, опасную теоретическую односторонность, которые обуславливают нарастание кризисных явлений в глобальной системе общественного хозяйства. Но после распада системы традиционного социализма и девальвации теории марксизма она не ощущает серьезных угроз и препятствий для своего идейного доминирования. Вместе с тем не испытывают преград для глобальной гегемонии и страны Запада, исповедующие указанную доктрину. В этом смысле Китай сегодня не может подкрепить свои глобальные амбиции предложением адекватной экономической теории, ибо его общественный строй неявно продолжает обуславливаться положениями традиционной теории марксизма [10, с. 6], которая непосредственно не может быть детерминирована системой конфуцианских ценностей.

Между тем достойный общественный ответ на глобальные вызовы бытия связан со становлением нового, релятивистского, экономического научного знания, которое не отринет прошлые традиции, но сумеет восстановить их, вдохнув жизнь в “старые” категории и понятия и сформировав платформу для социально-экономического осмысления теории относительности [11, с. 7–12; 12, с. 4–5; 13]. В отсутствие такого учения, даже несмотря на

“вынужденное отступление” с глобальных экономических позиций, США могут не беспокоиться о своем низвержении с глобального политико-экономического пьедестала.

Список использованной литературы

1. Господство Китая. К чему ведет политика Трампа // Корреспондент. — 2017. — 30 января [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://korrespondent.net/world/3807903-hospodstvo-kytaia-k-chemu-vedet-polytyka-trampa>.
2. Стена, а не Стрела. Пустующий постамент могущества. — 2008. — 25 сентября [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://conspirology.livejournal.com/3016.html>.
3. *Kissinger H.* On China — N.Y. : Penguin Press, 2011. — 624 с.
4. *Friedberg A.L.* A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia — N.Y. : W.W.Norton and Company, 2011. — 384 p.
5. *Натан Дж. Э.* Чего хочет Китай? ; [пер. с англ. А. Музафаровой] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru/book/Chego-khochet-Kitai-15369>.
6. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. — М. : Форум, 2009. — 560 с.
7. *Румянцев Е.* Другой угол зрения. Как в КНР теперь видят Вторую мировую войну // Россия в глобальной политике. — 2015. — № 5. — С. 101–113.
8. *Мартынов Д.Е.* “Утопия” Запада и “Великое Единение” Китая: к проблеме рецепции и эволюции терминологии // Вопросы философии. — 2010. — № 7. — С. 137–148.
9. *Васильев Л.С.* Проблема цзин тянь / Китай. Япония: история и филология. — М. : Изд-во восточной литературы, 1961. — 329 с. — С. 24–38.
10. *Михеев В., Луконин С., Чже С.* Китай: режим личной власти и новая пятилетка // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — № 10. — С. 5–16.
11. *Артемова Т.И.* Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. — К. : Основа, 2006. — 444 с.
12. *Гриценко А.* Структура рыночной трансформации инверсионного типа // Экономика Украины. — 1997. — № 1. — С. 4–10.
13. *Ольсевич Ю.* К релятивистской экономической теории // Вопросы экономики. — 1995. — № 6. — С. 4–14.

References

1. *Gospodstvo Kitaya. K chemu vedet politika Trampa* [The domination of China. What is the policy of Trump]. *Korrespondent – Correspondent*, 2017, January 30, available at: <http://korrespondent.net/world/3807903-hospodstvo-kytaia-k-chemu-vedet-polytyka-trampa> [in Russian].
2. *Stena, a ne strela. Pustuyushchii postament mogushchestva* [The wall, not the Arrow. The empty plinth of power]. 2008, September 25, available at: <http://conspirology.livejournal.com/3016.html> [in Russian].

-
3. Kissinger H. *On China*. N.Y., Penguin Press, 2011.
 4. Friedberg A.L. *A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia*. N.Y., W.W. Norton and Company, 2011.
 5. Nathan A.J. *Chego khochet Kitai?* [China's search for security], available at: <http://www.globalaffairs.ru/book/Chego-khochet-Kitai-15369> [in Russian].
 6. Berger Ya.M. *Ekonomicheskaya Strategiya Kitaya* [China's Economic Strategy]. Moscow, Forum, 2009 [in Russian].
 7. Rumayntsev E. *Drugoi ugol zreniya. Kak v KNR teper' vidyat Vtoruyu mirovuyu voynu* [How the Second World War is now viewed in PRC]. *Rossiya v global'noi politike – Russia in global affairs*, 2015, No. 5, pp. 101–113 [in Russian].
 8. Martynov D.E. “Utopiya” Zapada i “Velikoe Edinenie” Kitaya: k probleme retseptsii i evolyutsii terminologii [“Utopia” of the West and “Great Unity” of China: to the problem of reception and evolution of terminology]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 2010, No. 7, pp. 137–148 [in Russian].
 9. Vasil'ev L.S. *Problema tszin tyan', v: Kitai. Yaponiya: Istoriya i Filologiya* [The Jing Tien Problem, in: China. Japan: History and Philology]. Moscow, PH of oriental literature, 1961, pp. 24–38 [in Russian].
 10. Mikheev V., Lukonin S., Jeh S. *Kitai: rezhim lichnoi vlasti i novaya pyatiletka* [China: Personal Power Regime and New Five-Year Plan]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2016, No. 10, pp. 5–16 [in Russian].
 11. Artomova T.I. *Stoimost' i Tsena: Logiko-Istoricheskii Protsess Formoobrazovaniya* [Cost and Price: Logical-Historical Process of Shaping]. Kyiv, Osnova, 2006 [in Russian].
 12. Gritsenko A. *Struktura rynochnoi transformatsii inversionnogo tipa* [Structure of market transformation of the inversion type]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 1997, No. 1, pp. 4–10 [in Russian].
 13. Ol'sevich Yu. *K relyativistskoi ekonomicheskoi teorii* [To the relativistic economic theory]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 1995, No. 6, pp. 4–14 [in Russian].
-